

*Когда Я
была кошкой*

Марина Семенова

Судьба наделила Натали многим: красотой, обаянием, врожденной магией соблазнения, цепким умом и той особой женской мудростью, которая надиктовывает в милые девичьи ушки, как же ей надлежит поступить, чтобы мужчина не только готов был ради нее на все, но делал это с большим удовольствием. В один из дней Натали отправляется со своим знакомым продюсером в круиз на белоснежном лайнере и то, что с ней происходит потом — не подчиняется ни логике, ни сколь-нибудь разумному объяснению. Сплошная мистика, эротика и магия, а еще очень много любви.

Книга «Когда я была кошкой», как и все другие произведения М.Семеновой — это еще одна возможность заглянуть в мир отношений мужчины и женщины. А, может быть, еще глубже. Впрочем, если в двух словах — эта книга о том, чего хочет женщина и насколько жизнь эти ее желания готова исполнить.

Марина Семенова

Когда я была кошкой

*— Никто никому не принадлежит, —
прошелестела ящерица и
уползла в узкую
расщелину, оставив на
раскаленном камне свой
чешуйчатый хвост.*

Как же ей хотелось вцепиться ему в физиономию и выцарапать глазки, его маленькие бесцветные лживые глазки. Она ненавидела, когда ТАК врут. Не сочиняют, не фантазируют, а именно врут, нагло и неумело. Натали считала — если уж делаешь что-нибудь, то делай хорошо, и если уж взялся врать — ври красиво. Так, как это всегда делают они, женщины-кошки: тонко, изящно и самозабвенно.

Они все так делают: врут, одеваются, любят, флиртуют, изменяют, ходят, танцуют, прикуривают сигарету, выходят из авто, едят и, даже, спят. Натали была уверена, что когда ей придет время умирать, она сделает это так же — изящно и самозабвенно. И делают они все это не от какого-то

там выпендрежа, а потому что по-другому просто не умеют. Как, к примеру, женщина-корова не умеет ходить на каблуках.

Додик, в который раз, попытался ухватить ее за руку, но она фыркнула и отшатнулась брезгливо.

— Не смей! Не смей ко мне прикасаться!

— Но, масечка...

Его пороссячи глазки смотрели на неё умоляюще.

— И не смей называть меня масечкой!

— Хорошо, хорошо...

Снова согласился ее спутник и снова попытался приложиться к её тонкому запястью.

Натали еще раз фыркнула и пошла от него вдоль перил на главную палубу, пошла ровно с той скоростью, чтобы он мог ее догнать, он догнал и засеменял рядом, время от времени виновато вздыхая.

Солнце медленно стекало в, потемневшее и разволновавшееся к вечеру, море, унося с собой измотавшую всех до невозможности жару. Публика потихоньку выползала из своих прохладных кают насладиться закатным пейзажем и подышать

остывающим морским воздухом, а женщины еще и «засветить» свои ненадеванные наряды.

Натали села в один из ослепительно-белых шезлонгов и кивком головы подозвала к себе молоденького, предупредительного и такого же белоснежного, как и все на этом лайнере, официанта, и заказала ему апельсиновый фреш с мороженым. Додик пристроился рядышком, добавив к ее заказу пару своих пожеланий — пиво и сушеных кальмаров.

— Если опять к вечеру наберешься и начнешь храпеть — выгоню из каюты, будешь ночевать на палубе! — предупредила она и послала нежный смайлик, проходящему мимо юноше в желтых плавках.

— Солнышко, ну перестань сердиться, честное слово я ничего не знал про те три каюты Премиум класса, они меня клятвенно заверяли, что наша самая лучшая!

— Как же ты не знал, если они есть в рекламном буклете?! Все ты прекрасно знал, просто, как всегда, хотел на мне сэкономить! — выжгла Натали своего собеседника испепеляющим взглядом.

— Но, я его в глаза не видел, этот буклет! — снова принялся врать Додик, хлопая своими белесыми, окончательно выгоревшими на солнце, ресницами.

— Не видел, говоришь? А это что? — Натали с торжествующим взглядом быстро открыла свою крохотную переливчатую сумочку и, выудив оттуда тонкими пальчиками согнутый пополам глянцевоый буклет, потрясла им перед носом своего спутника. — Вот, в твоей тумбочке лежал!

— Так это не мое! — быстро сориентировался Додик. — Мало ли, как он мог там оказаться! Может быть, они всем в тумбочки эти бумажки кладут.

— Тогда, почему в мою тумбочку не положили? — прищурилась Натали, не оставляя надежды докопаться до истины.

— Не знаю... Сэкономить хотели, наверное... Я же говорил, милая, что вокруг одно жулье!

— Хорошо, — Натали даже зажмурилась, предвкушая. — Тогда объясни мне, пожалуйста, драгоценный мой Додоша, как на этом проспекте, который, как ты говоришь, в глаза не видел, оказалось вот это?

Она развернула буклет перед его лицом,

аккурат в том месте, где на фотографии каюты Премиум класса было размашисто написано гелиевой ручкой: «Понед-ник, 17.00, парикмх, Люся»

— Только не пробуй мне сейчас втирать, что это не ты писал! Во всех твоих словах «люблю» на открытках, вставленных в букеты цветов, присылаемых мне ежедневно в первый месяц знакомства, именно она, твоя «выпендренная» буква «Л» с этими дурацкими завитушками, я знаю ее претотлично!

Официант принес заказ и Додик радостно ухватился за вспотевший бокал, уткнув виноватые губы в золотистую пивную пенку, таким образом пытаясь выиграть время. Его спутница тоже взяла со столика свой сок, вынула из него коктейльную трубочку, покрутила ее пару секунд в руках и ловко швырнув за борт, поводила язычком по краю своего тонкого стакана. И делала она это, надо сказать, неподражаемо и совершенно бессознательно. Все ее движения — жесты и мимика, ее сумасшедше сексуальный голос, низкий и будоражащий, ее чувственный рот и миндальные влажные глаза, вся она была создана для того, чтобы соблазнять, очаровывать и сводить мужчин с ума, лишая их сна, покоя, рассудка и денег..

— Додик в который раз попался на этот

восхитительный крючок, теряя бдительность и волю.

— Ну да... знал я про эти каюты, знал! Ну прости меня, мася... Разница между нашей каютой и теми тремя лишь в цвете плюшевых диванов и размерах плазмы. Платить лишние пятьсот евро за такие сомнительные преимущества! Я лучше их тебе так дам, купишь себе что-нибудь... эдакое, — он покрутил выпуклыми ладошками в районе своей груди, видимо, представляя себе это «эдакое» именно так.

— А давай! — встрепенулась Натали, пытаясь поймать его на слове, и выбросила перед собой руку, изящно и выжидательно.

— Ну... Это..я... - заерзал Додик, пряча глаза.

— Я так и знала! Жмот! — вынесла вердикт и вернула руку себе на колено обиженная женщина, зловеще так опустила, многозначительно.

Ее спутник снова вздохнул, покрываясь испариной, и полез в карман за бумажником.

— Умеешь, ты, однако, пользоваться моей безотказностью, — мрачно заметил он, тяжело

вздыхнув и крайне неохотно расставаясь с денежной купюрой.

— А не нужно было врать! — упрекнула его Натали, радостно ухватив протянутые ей через стол деньги, и мгновенно сменила гнев на милость, устремив на своего мужчину полный нежности и обожания взгляд. — Спасибо, Додоша! Сегодня ночью я буду оче-е-нь неожиданной и благодарной!

Додик снова обильно вспотел, представляя себе сегодняшнюю ночь, полную неожиданностей и благодарности, и облизал пересохшие губы.

Натали допила сок, поднялась и, чмокнув своего Додошу в лысеющее темечко, направилась в каюту спрятать свой евротрофей и переодеться к ужину. По пути она поймала дюжину комплиментов и приблизительно столько же вожделенных взглядов от попавшихся ей навстречу одиноких мужчин и две визитки от сопровождаемых дамами, незаметно вложенных ей в руку.

В каюте было прохладно, даже слишком прохладно. Вечно потеющий Додик любил задать кондиционеру шестнадцатиградусную температуру, считая ее оптимальной. Натали недовольно поежилась, потом взяла со стола серебристый

пульт, подняла температуру до отметки «двадцать три» и зарыла пульт в недра дивана, так, чтобы Додику пришлось его долго искать. Потом подошла к встроенному шкафчику и раздвинула его дверцы. Ненадеванные наряды радостно встрепенулись ей навстречу всеми своими рюшами, оборками и стразами Сваровски, ставя перед нелегким выбором. Впрочем, какая разница в чем ей сегодня выходить к ужину, если рядом с ней все равно будет Додик. Вот если бы она отправилась в круиз одна! Тогда — да, тогда каждый ее выход из каюты автоматически превращался бы в охоту, в приключение, игру, вызов, сопровождаемый выбросом хорошей дозы адреналина.

«Так недолго и форму потерять,» — подумала Натали, припоминая сколько времени она уже разрешает Додику пользоваться ее благосклонностью, а значит, и ее роскошным, ухоженным телом — и прикидывая, не пора ли найти ему замену. Она вернулась к кофейному столику и покрутила в руках, только что брошенные на него, визитки — директор частной пивоварни и начальник подразделения таможенной стражи. Пивоварню она сразу же порвала на мелкие кусочки и выбросила в мусорничек, а таможную спрятала в потайной кармашек чемодана.

Белым брючкам и индийской тунике из тончайшего бирюзового батиста этим вечером повезло больше, Натали решила «выгулять» их на ужин. Додик добрал настроения в баре и через час, разомлевший от жары, выцеловывал плечики своей даме сердца и звал замуж.

Замужество в планах его спутницы ни под каким пунктом не значилось. Она, вообще, подпустила его к себе с одной единственной целью получения главной роли в фильме, который он этим летом собирался продюсировать. Какой-то тягомотный и бесконечный сериал о жизни клана наркобаронов, где Натали надеялась сыграть жену самого главного барона — злодея и негодяя.

После ужина они отправились на танцпол, где Натали сорвала джэк пот — после ее чувственного соло, все мужчины, находящиеся в радиусе взгляда, готовы были ради нее на все. Додик, подогретый еще несколькими рюмками коньяка, по возвращении в каюту закатил ей глупую и бездарную сцену ревности. Он обвинял и упрекал, взывал и требовал объяснений, а под конец расплакался, как ребенок, сморкаясь и пряча красный разбухший нос в белоснежное корабельное полотенце.

Натали не оправдывалась и не пыталась его в чем-то переубедить, а просто ждала, когда закончатся претензии и упреки. Она давно привыкла и к сценам ревности, которые ей с завидным постоянством закатывали мужчины — к истерикам и битью посуды она относилась абсолютно спокойно, но чтобы слезы... Да еще такие по-детски безутешные, такие горькие. Это было впервые, и она растерялась, силясь определить чего в ее душе сейчас больше: жалости или отвращения. Как ни странно, но, он-таки сработал, этот пресловутый материнский инстинкт. Ей, вдруг, захотелось утешить своего Додошу, прижать к груди, утереть слёзы, высморкать в безупречно-белое полотенце и может быть даже поцеловать пару раз, нежно и ласково, очень-очень по-матерински. Но, он не дал ей этой возможности, неожиданно перейдя от слез к угрозам. Маленький смешной и потный толстячок топал ногами и кричал, что «он не позволит ей так над собой издеваться, что у нее никогда не получится сделать его рогатым и, что она никогда не получит этой роли, если будет вести себя, как последняя шлюха».

Конечно же, он получил от нее по морде, по мягкой зареванной лоснящейся морде. Натали отхлестала своего продюсера по толстым щекам и

выставила вон. После чего спокойно разделась и пошла в душ, мурлыча себе под нос что-то очень жизнерадостное

А Додик отправился в бар и вернулся оттуда через час, набравшись до полного раскаяния, и принялся биться в двери, вымаливая у нее прощения. Через десять минут его, совершенно отчаявшегося и мокрого от слез, увела администраторша и уложила спать в одной из свободных кают, наградив в качестве утешительного приза бутылкой «Хеннеси».

Высушив волосы, Натали забралась на кровать и, включив телевизор, нашла для себя что-то душещипательное про любовь, пронесенную героями через всю жизнь, несмотря на тяготы и лишения. По окончании фильма, уснула быстро, крепко и беззаботно. Может быть потому и крепко, что беззаботно.

Ей приснился необычайно реальный сон о том, как она проходит кинопробы и её партнером на съемочной площадке оказывается не кто иной, как Брэдли Купер. И сыграть им нужно эпизод прощания, и поцеловаться протяжно и страстно, так, как и положено целоваться влюбленным, которые расстаются навсегда. И они целуются, и она вдруг понимает, что Брэдли Купер — это не

Брэдли Купер, а Додик, весь мокрый от слёз. И режиссер кричит что-то неистовое истошным голосом, и Натали просыпается и понимает, что это кричит не режиссер, а воеет сирена и кто-то со всей дури колотится в дверь ее каюты.

Натали накинула шелковый халатик на голое тело и открыла дверь, увидев на пороге каюты молодого матросика с перекошенным лицом и тревожными глазами:

— Корабль тонет! Быстро одевайтесь и не забудьте вот это! — он открыл небольшой шкафчик справа от двери и достал оттуда ярко-красный спасательный жилет.

Натали застыла в ступоре, судорожно соображая, что из вещей ей надеть, а что оставить и поняла, что хочет забрать все. Она метнулась во вторую комнату, достала из шкафа свой голубенький пластиковый чемодан и стала метать туда всю свою одежду.

Матрос вырос на пороге и скомандовал:

— Бросьте чемодан! Берите самое необходимое! Только документы и ценные вещи!

— Да у меня *все* необходимое! А документы и ценные вещи у меня, как раз-то, в чемодане! — огрызнулась девушка, натянув на себя трусики,

узкие оранжевые джинсы и выскользывая из халатика. Она замерла «топлес» перед раскрытым чемоданом и, окончательно потеряв самообладание, парнем, тот пошел пятнами и попытался сглотнуть слюну, но с пересохшими горлом это сделать было крайне трудно. Натали, тем временем, блуждала взглядом по своим вещам, соображая, какая кофточка лучше всего подходит к ее любимым абрикосовым джинсам.

— Умоляю вас, быстрее! — взмолился парень.

— А где Додя? — вдруг вспомнила полуобнаженная Натали, наткнувшись на, висящую в шкафу, одежду своего спутника.

— Я не знаю. Скорее всего, он уже в лодке! Почти все уже погрузились! — нетерпеливо пояснил матрос, выхватил из вороха сброшенных девушкой в чемодан вещей первую попавшуюся футболку и протянул ее хозяйке.

— Одевайтесь!

Натали скривилась, отметив мысленно, что эта фиолетовая майка «ну никак не сочетается с надетыми на нее джинсами», но спорить не стала, потому что, в этот момент, пол в каюте удивительным образом наклонился влево.

Затарахтел и медленно покотился к стене баллончик с дезодорантом — и тут до нее, наконец-то, дошло, что это действительно кораблекрушение и, что это — серьезно. Натали обула на ноги самые удобные свои лодочки на трехсантиметровом каблучке и с мольбой глянув на неожиданного и такого терпеливого спасителя, перевела взгляд на свой разинутый чемодан. Матрос среагировал молниеносно- наклонился, захлопнул злополучный чемодан и, ухватившись за его ручку, рванул к выходу. Радостная Натали поспешила за ним следом.

Она ожидала увидеть суматоху и панику, выхватывая из тайничков памяти жуткие фрагменты фильма «Титаник», и понимая, что абрикосовые джинсы с фиолетовой майкой, ну никак не вписываются в драматичность сюжета, и что надо было надеть что-нибудь черненькое и трагичное, но лайнер был, практически, пуст. Команда сработала быстро и слажено. Пассажиры, распределенные по лодкам, уплывали дружным караваном подальше от тонущего судна в, быстро съедаемую их, темноту ночи, а те, кто еще задержался на борту, вели себя весьма пристойно — не истерили и не орали, а спокойно и организованно усаживались в оставшиеся шлюпки. Матрос подвел Натали к одной из них и, уложив на

дно чемодан, помог девушке в нее забраться. Садясь в лодку, Натали отметила находящихся в ней двух женщин и мужчину, и вопросительно посмотрела на своего славного матросика:

— А вы?!

— А я еще задержусь! Встретимся на берегу!
— пообещал он и помахал на прощанье рукой. Стоящий рядом с ним бородатый и угрюмый, матрос хмыкнул и стал опускать лодку вниз.

Вскоре она мягко коснулась поверхности воды и единственный мужчина, оказавшийся с ними в лодке, взялся за весла. Натали, тем временем, решила рассмотреть своих «подруг по несчастью». Та, что расположилась с ней рядом, выглядела очень перепуганной, все время что-то шептала, нервно облизывая пухлые губы, похоже молилась, и оглядывалась по сторонам своими большими, выпуклыми, коровьими глазами. Напротив них, за спиной, пытающегося грести, неясного и невнятного мужчины в ветровке с капюшоном, почти полностью закрывающим его лицо, сидела вторая из женщин, и, в отличие от первой, выглядела предельно собранной и невозмутимой. Похоже, единственное, что ее тревожило, это небольшой кейс, который она крепко прижимала руками к своей, едва обозначенной, груди.

Никто ни с кем не заговаривал, а лишь с надеждой всматривался в черный горизонт с редкой россыпью огоньков-маячков на, успевших уплыть далеко вперед, спасательных шлюпках.

Несколько лодок, спущенных на воду позже них, уже успели догнать их и перегнать. Через какое-то время по воде прошла глубинная волна и странный звук, словно вздох неведомого гигантского морского животного раздался с той стороны, где в зловещей темноте оставался тонущий лайнер.

— Все. Кабздец кораблику, — сухо констатировала дама с кейсом и положив свою ценность на колени, выудила откуда-то сигареты и зажигалку.

Все остальные переглянулись между собой и стали еще судорожнее вглядываться в темную даль.

Звезды, светившие до того достаточно ярко, вдруг куда-то исчезли и поднявшийся неожиданный резкий ветер, заставил всех поежиться. Натали пожалела, что не надела на себя ничего, кроме заботливо предложенной матросиком футболки. Она наклонилась и попробовала нащупать на дне

лодки свой чемодан, но в темноте наткнулась лишь на какой-то мешок, влажный и скользкий. Натали пошарила чуть дальше, но снова не обнаружила нигде своего чемодана и, резко выпрямившись, выбила из руки мужчины весло. Оно выскочило из уключины и быстро соскользнуло в темноту.

— Ой! Весло! — только и успел вскрикнуть тот и кинулся его спасать, но не успел.

— Зашибись, — снова прокомментировала произошедшее ледяная дама с кейсом, а спутница с коровьими глазами всхлипнула и пропела неожиданно тоненько для своих внушительных размеров:

— Боже! Что же теперь с нами будет?!

— А ничего хорошего не будет! — сообщила вторая как-то неподходяще радостно.

— Извините меня, — пролепетал мужчина, усаживаясь на свое прежнее место и делая тщетную попытку грести одним веслом.

— Да брось ты к черту это гребаное весло! Ты с двумя ни хрена справиться не смог, а с одним только на месте крутиться будем! Что ж за мужики такие пошли — безрукие! — заключила она и снова закурила.

— Ну, мужчина не совсем чтобы виноват, если бы девушка его не зацепила, — поторопилась заступиться за единственного мужчину грудастая и конопатая соседка.

— А ты, буренка, лучше помолчи! Терпеть не могу, когда бабы за мужиков заступаются. Вот из-за таких как ты, которые вечно их оправдывают, они такими и становятся — беспомощными и никчемными! — заткнула ее феминистка с кейсом.

— Я нечаянно, честное слово. Просто хотела что-то из вещей себе достать, замёрзла я, — попробовала оправдаться Натали.

— На вот — держи одеяло! Прихватила одно, из каюты, — неожиданно предложила грозная обвинительница мужчин и протянула девушке теплый сверток. — Меня, кстати, Кларой зовут.

— А я — Натали, — поспешила представиться девушка, тронутая неожиданной заботой, и с благодарной улыбкой приняла одеяло.

— Наташка, значит! — уточнила феминистка безапелляционно.

— А я — Мария, — тоже решила назваться оставшаяся из женщин и выжидательно посмотрела на мужчину.

— Вот и познакомились, — поспешила подытожить Клара, всем своим видом давая понять, что имя, присутствующего в лодке, мужчины её никоим образом не интересует.

Но Мария проявила неожиданную настойчивость.

— А как вас зовут? — спросила она у одновесельного гребца, тронув его за рукав.

— Ин-н-нокентий, — назвался он неохотно, немного заикаясь.

— Маша, Кеша и Наташа, это же надо! Да вы мне весь трагизм произошедшего испоганили! — расхохоталась Клара неожиданно и заразительно. Так заразительно, что все невольно тоже развеселились, хотя это больше походило на коллективную истерику.

В эту самую минуту стремительным порывом ветра сорвало фонарик-маячок с их лодки, хлынул хлесткий дождь, и всем сразу стало не до смеха.

Стихия только набирала силы, ветер и дождь усиливались, и лодку мотало из стороны в сторону. Ее перепуганные обитатели сбились в кучу и притихли, лишь Мария громко шептала свои нескончаемые молитвы. Исчезло ощущение времени, а с ним и реальности происходящего, каждый дошел в своем страхе до края и, устав бояться и надеяться, впал в забытие.

Тишина и утро наступили почти одновременно. Первой из-под брезента выглянула и осмотрелась Клара. Огляделась и потускнела взглядом — во все стороны от них простиралось безбрежное море, бескрайнее и успокоенное. И в этом его спокойствии было что-то зловещее.

За Кларой повысовывались наружу все остальные, а осмотревшись — еще больше приуныли. Натали переводила полный ужаса взгляд на всех присутствующих поочередно, словно спрашивала: «И что?! Что с нами теперь будет?!» Иннокентий, молчаливый и спокойный, невозмутимо гладил ладонью уцелевшее весло, Клара нервно барабанила по крышке своего драгоценного кейса, а Мария тихо плакала, периодически всхлипывая и протяжно подвывая.

— А где же все остальные лодки? — наконец, озвучила, мучивший всех, вопрос Натали, но ей никто не ответил.

— Я воду нашла! — обрадованно сообщила Клара. — Пить кто-нибудь хочет?

Вся компания дружно ответила: «Да, хотим!» и последующие десять минут ушли на поиск посуды и раздачу воды. Далее были найдены и успешно съедены две пачки печенья и плитка шоколада, отчего всем снова захотелось пить. Но Клара волевым решением минимизировала порции живительной влаги, и никто ей возражать не стал. Кларе трудно было возражать.

И все же, после совместного перекуса все немного взбодрились и решили устроить мозговой штурм, пытаясь общими усилиями придумать, как им действовать дальше и действовать ли вообще или лучше поберечь силы — и просто ждать спасения.

К полудню стало жарко, запас воды исчезал на глазах, и от бывшего оптимизма не осталось и следа. Все по очереди выпрыгивали за борт, искупнуться, а заодно и пописать. В лодке неизменно оставалась лишь Мария, которая плавать не умела и, вообще, боялась акул, медуз и прочей

морской живности с зубами и щупальцами. Ближе к вечеру они еще раз поели, и решили чем-нибудь отвлечь друг друга от мрачных мыслей. Натали предложила сыграть в города, Мария стала загадывать известные всем детские загадки, вроде: «Не лает, не кусает, а в дом не пускает?», Кларе пришлось на ум решать известные ей одной логические задачи, а безликий Иннокентий неожиданно удивил всех чтением стихов.

Женщины притихли и слушали, как мужчина, неожиданным и необычайно красивым, совсем не заикающимся, голосом читал им:» Любите женщину за грех, который вынесла из рая, а не за то, что лучше всех она готовит и стирает...»

Даже резкая и циничная Клара смолкла, грустно вздыхая, и улетала разнеженным и затуманенным взглядом в безбрежную морскую даль.

К вечеру похолодало, все стали кутаться в кофты и одеяла, и жаться к друг дружке, потом зачехлились и уснули, заглушая общим дыханием, накатывающее на каждого из них — отчаяние. Спали тревожно, Натали всхлипывала во сне, Мария молилась, Клара нервно докуривала свои бычки. И только Иннокентий переживал незаметно, не потому что был таким сильным и волевым, а

потому что привык к тому, что его чувства никому не интересны.

Наступившее утро было ясным и безмятежным. Первой из обитателей лодки проснулась Натали, потерла ладошками сонные глаза и, к своему ужасу, обнаружила, что за вчерашний день сломался еще один ноготь. Она внимательно изучила свои руки, два дня не видевшие крема, успевшие обветриться на беспощадном солнце, подзадубеть от морской воды и — расплакалась. Тихо, почти беззвучно, но совершенно безутешно.

Попрасыпавшиеся один за другим ее друзья по несчастью, кинулись успокаивать Натали. Кто как умел. Клара «оторвала от сердца» резервный бычок, Мария вынула из заглазника последнюю печенку, а Иннокентий просто погладил ее по руке, нежно-нежно. Наташа вздохнула, приняла дары и подставив окурочку под предложенную Кларой же, зажигалку, устремила вдаль свой заплаканный взгляд. И тут! Нет, поначалу она не поверила сама себе, и, зажмурившись, сосчитала до десяти, после чего снова открыла глаза, вглядываясь с надеждой в полоску горизонта. Так и есть! Скалистый, мрачноватый берег, появившийся ниоткуда, был совсем близко. Она еще несколько

раз сомкнула веки и похлопала ресницами, прежде чем заорать с истошной радостью:

— Люди, там земля! Посмотрите вон туда! Там — земля!

И это действительно была земля, приближающаяся к ним, пусть медленно, но неизбежно. Не оставалось никаких сомнений — их несло к берегу.

После ликующих возгласов, яростных объятий и поцелуев, обитатели лодки понемногу угомонились и стали ждать, мысленно приближая ту удивительную минуту, когда их ступни коснутся почвы. Понемногу ожидание становилось мучительным — казавшийся таким близким, берег все маячил и маячил на горизонте, словно играл с ним, дурачил и дразнился. На какое-то мгновение им даже показалось, что он живой, что он ведет себя совсем, как человек, пытающийся вступить с ними в свои особые, понятные только ему, отношения.

Но потом, все это списали на жару и решили не ждать, когда лодка, наконец-то, причалит к желанному берегу, а придумать себе какое-нибудь занятие, так называемый — отвлекающий маневр. И снова в ход пошли игры, загадки, стихи и задачи, и каждый старался не смотреть в ту сторону, куда

так хотелось смотреть.

И вот — лодка села на песок, перестав, наконец-то покачиваться на волнах. И они повыпрыгивали из нее с радостными воплями и принялись скакать и кувыркаться, падая на колени и обсыпая себя прибрежным песком. Когда первая волна восторга схлынула, предусмотрительная Клара велела втащить лодку подальше на берег, они втащили и решили пойти осмотреться.

Справа от них возвышались скалы. Именно их и увидела Натали на горизонте, когда полоска суши еще была не заметна глазу. Скалы выглядели, и вправду, мрачно. Темные, неприступные, с множеством пещер и гротов. Зато вокруг них, плотным кольцом, все щедро буяло зеленью, цвело и благоухало диковинными цветами, зрело сочными плодами и щебетало птичьим разноголосьем. А еще там отыскалось маленькое прозрачное озеро с водопадом, кишашее всевозможной рыбой.

— Сюда бы еще вай-фай и был бы нам рай, — снова сыграла в буриме Клара и зачерпнув ладошкой озерной воды, констатировала: «Пресная!»

Все, ошалелые от счастья, с безудержным

криком «Ура-а-а!» посрывали с себя одежду и кинулись в воду, пить и мыться.

— Ой! У меня же шампунь в чемодане! Подождите, сейчас принесу! — вспомнила Натали, делая шаг в сторону лодки.

— Ага! — кивнула ей Клара. — Давай перетравим твоим шампунем всю рыбу, а потом его же и будем жрать вместо супа на обед.

— Ой! А я и не подумала, — притормозила Натали. — А как же теперь голову помыть?

— Да ладно, иди уже за своим шампунем. Пошутила я, ничего с нашими рыбами не случится от капли шампуня, — разрешила Клара добродушно. Похоже она находила особое удовольствие в этом занятии «запрещать — разрешать».

— Наташенька, а можно и нам с Иннокентием немного шампуня, — попросила Мария и осеклась под недобрый взгляд Клары.

— А вы обойдетесь! — рывкнула она.

— Это почему это? — уточнила Мария, обиженно поджав губы.

— Потому что мужик по своей сути — засранец! Он прекрасно может обходиться неделями без мыла и зубной пасты, и носки с трусами сподвигнется поменять только тогда, когда жена его из них вытряхнет!

— Ну... Не все же одинаковые, — отозвался Иннокентий, чем очень удивил и разозлил Клару.

— Да, не все! Но те — другие, еще хуже! Еще одна крайность мужской патологии — параноидальное чистоплюйство. На пол дня ванную займет, потом перед зеркалом три часа будет укладывать волосок к волоску и жене весь мозг выест за малюсенькое пятнышке на полотенце.

— Ну, вам не угодить! — упрекнула ее Мария с пониманием глядя на мужчину.

— А не надо мне угождать! Будь нормальным мужиком и все! — заткнула ее Клара. Последнее слово всегда должно оставаться за ней.

— А кто, по-вашему, определяет степень мужской нормальности? — поинтересовался Иннокентий, покусывая сорванную им травинку.

— Поступки. Исключительно мужские

поступки, — ответила Клара так, словно поставила в разговоре точку.

Вернулась Натали и, скинув одежду, пошла к водопаду. Она нисколько не стеснялась своей наготы, скорее даже наоборот — она ею манила и дразнилась. И казалось вся природа затаила дыхание, любуясь ею, приумолкла, становясь лишь фоном для главного фрагмента картины — совершенного женского тела.

— Кто со мной? — окликнула Натали и Иннокентий пошел на зов, спотыкаясь и плетя ноги. Мария проводила их взглядами: его ревностным, ее — полным крайнего осуждения.

— Что?! Съела, буренка?! — хохотнула Клара, явно довольная.

— Ненавижу таких! — не удержалась Мария и раздавила туфлей, попавшуюся ей под ноги, улитку.

— Таких красивых? — уточнила Клара, присаживаясь на гладкий, иссушенный солнцем, приозерный камень.

— Из-за них все зло! Из-за вот этих —

бесстыжих! — с горечью и обидой бросила Мария обвинения, то ли вслед Натали, то ли куда-то в свое далекое прошлое.

— Мужа, что ли, у тебя увели? — спросила Клара уже не так зло.

Женщина ничего не ответила, лишь отвернулась, пряча внезапно накотившие слёзы.

— Так, это не из-за них, а из-за твоей глупости и лени! — поспешила вынести вердикт безжалостная феминистка, снимая блузку и подставляя солнцу свое бледное, изведенное офисной работой, тело.

— Лени?! Да я пахала на трех работах с утра до вечера, пока мой с этой... с такой, как эта Наташка, развлекался! — нахлынувшие разом, воспоминания заставили ее сжать руки в кулаки и перестать стесняться своих слез.

— Я ж и говорю — дура! Не пахать надо было, а собой заниматься! И не жрать макароны в три горла!

Продолжала добивать собеседницу Клара, никак не реагируя на ее слезы.

— Собой заниматься? А жить на что? — Мария всплеснула пухлыми руками и вмиг перестала плакать.

— А вот это, милая моя, уже не твоя, а его забота — муженька твоего расчудесного! — Клара привычно пошарила рукой по пустому нагрудному карману. — Господи! Курить-то как охота!

— Так в нашем городке никакой работы нет! — продолжала оправдываться толстушка.

— Но ты же как-то нашла! Целых — три! — скривила губы Клара.

— Я нашла, — вздохнула, загнанная в угол своей безжалостной оппоненткой, Мария.

— Я же и говорю — дура! — еще раз обозвала свою собеседницу Клара, но без злости так, почти с пониманием.

Вернулись Натали с Иннокентием, раскрасневшиеся, свежие, возбужденные, то ли от воды, то ли друг от друга.

— Ох, и холодная вода в этом водопаде! — воскликнула Натали и потянулась, по-кошачьи выгнув спину, потом легко и грациозно взобралась

на огромный камень и подставила солнцу свои груди с упругими от холода сосками.

Мария снова осуждающе насупилась, а Иннокентий, похоже, совсем потерял над собой контроль, откровенно поедая Натали взглядом.

Но тут, солнце, как-то очень быстро, скатилось к закату и сумерки, едва обозначившись, тоже стали стремительно загустевать.

— Предлагаю подумать о ночлеге! — активизировалась предприимчивая Клара и медленно побрела в сторону брошенной ими лодки. Натали быстро оделась и послушно последовала за ней, уводя с собой на невидимом поводке Иннокентия и, пристроившейся за ним следом, Марией.

Когда они подошли к лодке — стало совсем темно, небо снова нахлобучила на себя увесистые мохнатые тучи и, поэтому, было принято решение — остаться в шлюпке. Иннокентию, наконец-то, удалось вскрыть один из заклинивших пластиковых ящичков и достать оттуда, к всеобщей радости, большой и мощный фонарик. Чтобы не разряжать понапрасну батарейки, стали использовать его только в случае крайней необходимости, поэтому

продукты на ужин из тубуса выуживали наощупь и ели, тоже, в темноте.

Ночь прошла спокойно, набухшие тучи так и не разлились дождем, и день снова обещал быть жарким. Умывшись и наскоро перекусив, вся компания отправилась искать место, где можно было бы ночевать, прятаться от дождя и солнца, завтракать, обедать и ужинать, и называть это, пусть временно, но «домом».

Экзальтированная Натали предложила устроить домики на деревьях, она когда-то видела такие по телевизору и уверяла, что выглядели они премило, и что пусть у каждого будет свой маленький домик, и все ко всем будут ходить в гости. Эта идея выглядела забавно, но Мария лазить по деревьям наотрез отказалась и предложила рубить, эти самые деревья, и строиться всем вместе и основательно, но ее никто не поддержал. Никто не хотел оставаться здесь надолго, отказавшись от надежды на скорое спасение. И тогда Иннокентий предложил исследовать горы на наличие пещер, пригодных для жилья. Эта мысль всем пришлась по душе, и дружной толпой направились к скалам.

И действительно — пещеры поразили их своим разнообразием: огромные и совсем

крошечные, они соединялись между собой витиеватым, путанным коридором и чем-то напоминали коммунальную квартиру для сказочных жителей всех ростов и размеров. Самое удивительное, что они оказались не такими холодными и совсем не такими темными, как ожидалось; даже в самых дальних пещерах было необъяснимо светло и тепло, и возникало ощущение, что это сами скалы светятся изнутри каким-то тихим, неуловимым светом, светятся и согревают сотни пещер до одинаковой, а главное — комфортной для человеческого тела, температуры.

— Всё! Будем заселяться! — как всегда, приняла за всех решение Клара и добавила. — Выбирайте пещерки, кому какая нравится.

— Я вот эту хочу — голубенькую! — кинулась Натали к самой маленькой из них, и вправду, светящуюся едва заметным голубым светом.

— Ой! Погляньте, а они все разноцветные! — вдруг заметила Мария и застыла совершенно обескураженная. — Вот эта вот — какая-то салатовая.

Она показала рукой на еще одну выбоину в

скале, квадратной, почти идеальной формы, излучающую тихое изумрудное сияние.

— Можно, я в ней расположусь? — осторожно поинтересовался Иннокентий и, посмотрев на Марию, добавил. — Люблю все зелененькое.

Под его взглядом Мария расплылась и обмякла, утвердительно закивав головой, оставшиеся женщины тоже против его выбора возражать не стали.

— А я вот эту возьму — абрикосовую! — мгновенно сориентировалась Мария, выбрав ближайшую с Иннокентием пещерку странной конфигурации, чем-то напоминающей коровье вымя.

— Выбрала так выбрала! — хмыкнула Клара и заняла пещеру рядом с входом с едва уловимым фиолетовым оттенком.

И снова, все, дружно и организованно, отправились на берег, к шлюпке, чтобы перенести вещи и оставшийся в ней провиант.

Первым делом Иннокентий снял с лодки

брезент и, расстелив его рядом с лодкой, на песке, стал складывать туда все добытое. Добытым оказалось:

1. Два небольших черпака;
2. Два ножа, крепившихся к шлюпке штертом (то есть — веревкой);
3. Набор ремонтных принадлежностей, предназначенных для заделки проколов (зажимы, пробки, ножницы, прорезиненная ткань для изготовления заплат и клей);
4. Большой ящик цилиндрической формы, помещенный в водонепроницаемый чехол, а в нем аптечка с набором медикаментов и инструкцией по оказанию первой помощи, продукты питания и питьевая вода;
5. Три консервовскрывателя;
6. Сосуд для питья с делениями;
7. Запасной плавучий якорь;
8. Набор рыболовных принадлежностей (крючки, блесны, грузила, два мотка капроновой лески);
9. Таблетки от морской болезни (по шесть таблеток на каждого) и гигиенические пакеты;
10. Пара ножниц;
11. Опреснитель с инструкцией по его применению.
12. Комплект средств сигнализации и

привлечения внимания, а именно:

4 парашютных ракеты; 6 фальшфейеров; 2 плавучих дымовых шашки с таблицей спасательных сигналов к ним;

13. Водонепроницаемый электрический фонарь с комплектом запасных батарей.

— Ой, а это что такое — блестящее? — ухватила Натали с брезента странное зеркало.

— Как сорока, честное слово! — фыркнула Клара, помогая мужчине выгружать вещи.

— Это сигнальное з-з-зеркало или гелиограф. Кстати, знаете, как это слово п-п-переводиться? — пояснил мужчина, приостановив разгрузку.

— Нет, — замотала головой Натали. — А как?

— Пишущий с-с-солнцем.

— Красиво как. А зачем он? — Натали нравилось удерживать мужское внимание.

Во время их разговора Клара пинала ногой, лежащие на брезенте, вещи, таким образом демонстрируя свое явное неудовольствие, но, похоже, эти двое ничего вокруг себя не замечали.

— З-зайчиков пускать, — улыбнулся Иннокентий.

— Смеетесь, да? — обиделась девушка.

— Нисколько.

— Чтобы подать сигнал о помощи, в этом зеркале необходимо поймать солнечный «зайчик» на близко расположенном предмете, совместить его с прицельным отверстием, а затем направить его в сторону цели. — пояснил Иннокентий, почему-то перестав заикаться. — Подсчитано, что яркость светового сигнального зайчика составляет почти семь миллионов свечей.

— Семь миллионов?! — всплеснула руками Натали, понятия не имея о каких свечах он говорит.

— А вспышка сигнального зеркала в безоблачный, солнечный день обнаруживается с самолета на расстоянии до шестидесяти километров. Этим зеркалом можно подавать сигнал не только днем, но и ночью в полнолуние и даже в туманной дымке.

— С ума сойти! — всплеснула руками Натали.